

А. А. Шахматов

**Обозрение русских летописных сводов XIV-
XVI вв.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

A11 **А. А. Шахматов**
Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. / А. А. Шахматов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 373 с.

ISBN 978-5-458-25076-4

Опубликование этого труда покойного академика Л. А. Шахматова, вызвало живой отклик не только со стороны исследователей, имеющих в составе источников своих разысканий русские летописи, но и со стороны всех интересующихся прошлыми судьбами и историей народов России. А. А. Шахматов (1864-1920) являлся одним из самых выдающихся представителей буржуазной «истории русского языка и словесности». Особенно это верно в отношении тех работ А. А. Шахматова по русской словесности, где он сосредоточился на изучении истории русского летописания и в которых поставил себе задачей восстановление текста знаменитой «Повести временных лет» Нестора (нач. XII в.), дошедшей до нас не непосредственно, а лишь в составе летописных сводов гораздо более позднего времени XIV-XVI вв. История авторской рукописи публикуемой работы А. А. Шахматова такова. Она была найдена в кабинете покойного академика А. А. Шахматова (умер 16 августа 1920 г.) при разборе его бумаг членами комиссии, назначенной Общим собранием Академии Наук. Рукопись не имела заглавия; в ней оказалось 644 страницы, не считая весьма многочисленных подклеек. Располагая здесь летописные своды XIV-XV вв. по отдельным главам, с точки зрения важности дошедших в них списков «Повести временных лет», автор в каждой такой главе дает сначала анализ состава того или иного изученного им свода, затем графически изображает отношение данного свода к предшествующим ему сводам и заключает главу изучением состава и текста «Повести».

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

II

История авторской рукописи публикуемой работы А. А. Шахматова такова. Она была найдена в кабинете покойного академика А. А. Шахматова (умер 16 августа 1920 г.) при разборе его бумаг членами комиссии, назначенной Общим собранием Академии Наук.

Рукопись не имела заглавия; в ней оказалось 544 страницы в $\frac{1}{4}$ долю листа, не считая весьма многочисленных подклеек, достигающих иногда размера страницы.

Располагая здесь летописные своды XIV—XV вв. по отдельным главам, с точки зрения важности дошедших в них списков «Повести временных лет» для изучения состава и текста первых редакций «Повести», автор в каждой такой главе дает сначала анализ состава того или иного изученного им свода, затем графически изображает отношение данного свода к предшествующим ему сводам и заключает главу особым тщательным изучением не только состава, но и текста «Повести» в данном своде

III

Ближайшее ознакомление с рукописью по ее внешним данным не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело с такого рода работой автора, которая, сложившись с первых же шагов его в изучении летописных сводов, сопровождала потом это изучение во все последующее время, отражая на себе и моменты расширения материала изучения, и моменты углубления и перестройки прежде изученного.

Характер бумаги, меняющаяся манера ее использования, меняющийся с возрастом почерк — все говорит о том, что к этому труду автор обращался неоднократно за время своей ученой работы, неоднократно подвергая его коренной переработке.

Только немногие страницы первых глав, видимо, относятся ко времени первоначального изучения автором русских летописных сводов (конец 90-х годов).

Значительно больший след оставила первая переработка, предпринятая А. А. Шахматовым в связи с подготовкою и опубликованием в начале 900-х годов его известной работы «Общерусские летописные своды XIV—XV вв.» (Журн. мин. нар. пр. за 1900 и 1901 гг.). Несомненно, что переработка эта определила самый состав изученных и проанализированных здесь сводов XIV—XV вв.

Главнейшая часть настоящей рукописи относится ко времени последующей переработки, оказавшейся, к сожалению, последней. По упоминанию автором в тексте работы XVIII т. Полного Собрания Русских Летописей, изданного в 1907 г., очевидно, что эта последняя переработка была предпринята после указанной даты, а по карандашной пометке на стр. 375 рукописи (т. е. перед началом XX главы ныне печатаемого текста): «Многое изменить в виду моей рецензии на [диссертацию Н. М.] Каринского» — необходимо заключить, что переработка рукописи была закончена до написания автором этой рецензии в 1909 г. Известно, что именно в 1908 г. А. А. Шахматов опубликовал свои «Разыскания о древнейших летописных сводах», и естественнее всего предположить, что последняя переработка рукописи стоит в связи с общим пересмотром и подведением итогов разновремененно накопившихся результатов исследовательской работы автора за время от 1901 по 1908 г. для написания «Разысканий».

В этом виде рукопись и сохранилась. Однако многочисленные карандашные пометы, нанесенные автором на полях и в тексте рукописи, свидетельствуют перед нами, что по какому-то поводу автор вновь пред-

принял общий просмотр рукописи в целом и поставил всхи для новой общей переработки с целью согласовать изложение с опубликованными уже своими же исследованиями за время после напечатания «Разысканий».

Но переработке этой не было суждено осуществиться. Одна из карандашных помет автора ссылается на статью автора в сборнике в честь проф. Д. А. Корсакова, вышедшем в Казани в 1913 г. Значит, пересмотр всей рукописи был предпринят после этого года. Если мы вспомним, что в 1915 г. А. А. Шихматов напечатал в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона (т. XXV) статью о русском летописании, а в 1916 г. издал т. I своего исследования «Повесть временных лет», — для написания которых он непременно обращался к прочтению данной рукописи в целом, — то всего естественнее будет поставить нанесенные карандашные пометки на рукописи в связь с подготовкою автором этих публикаций.

IV

Карандашные пометы автора, к сожалению, часто для нас теперь мало понятны или неразборчивы (например, в рукописи на стр. 261, 328, 399; на стр. 5 главы о Московском своде 1479 г.; на стр. 10 главы о Никаноровской летописи), или кажутся несущественными (стр. 380 рукописи), но некоторые заслуживают упоминания как вполне ясные указания на дальнейшие изыскания автора, частью не отразившиеся в опубликованиях.

Так, в главе XI о Комиссионном списке Новгородской 1-й летописи (стр. 237 рукоп.) на поле против следующего положения, изложенного в тексте: «но я предпочитаю возводить новгородские известия Комиссионного списка в части 1044—1074 гг. к протографу этого списка и далее к своду 1421 г. по следующим соображениям...» — отмечено: «не так!», а против первого из приведенных далее соображений на поле поставлен знак вопроса.

В начале главы XVI о Новгородской 5-й летописи читаем карандашную помету: «Я теперь считаю [более] вер[оятным], что источником Нов[городской] 5-ой был Ком[иссионный] список, но он исправлен по Троицкому, а чтения свода 1434 [года] — из Троицкого» (стр. 196 книги).

К этой мысли автор вернулся в конце анализа состава Новгородской 5-й (на стр. 324 рукоп., стр. 207 книги): «Кажется, надо думать, что Новг[ородская] 5-ая из Комисс[сионного] списка + Троицкий список».

В начале главы XX о Летописи Авраамки отмечено, что уже приводилось нами в другой связи, — «Многое изменить в виду моей рецензии на [диссертацию Н. М.] Каринского», а внутри этой главы находим вложенный листок с отметкою: «к стр. 390». Вот содержание записи на этом листке:

«Я все более убеждаюсь, что Хронограф был источником не для составителя извлечения из свода 1448 г., а для самого Авраамки. В особенности это явствует из срав[нения] летописи Авраамки с лет[описью] Павла и Рогож[ским] лет[описцем]. Так например, об убийении Олега Святославича Ярополком у Авр[аамки] сказано под 6481 [годом], как в Хронографе, а затем под 6485 [годом]. Между тем Рогож[ский] летописец и Павел знают только 6485 г. Ср. у Авр[аамки] два раза о созд[ании] пер[кви] богородицы, а в других — один».

В главе XXI о Московском своде 1479 г. на стр. 3 этой главы в рукописи на поле, против того положения, что в основу этого Московского свода «положена как будто Софийская 1-ая», — читаем карандашную заметку (см. стр. 257 настоящей книги): «Все это надо изменить в виду результатов анализа Повести вр. лет (см. ниже)». На стр. 8 этой главы рукописи (стр. 263 книги), на поле, против слов: «итак, мы утверждаем, что в основание Московского свода положен Новгородский свод 1448 г.» —

отмечено коротко: «нет». Наконец, на 26-й стр. этой же главы рукописи, к заключительному положению: «Итак, к указанным выше трем источникам Московского свода — своду 1448 г., Троицкой и Ростовской летописям присоединяется еще четвертый — Полихрон 1423 г.», на поле карандашом отмечено: «Нет, вероятнее думать, что Московский свод соединил Софийскую 1-ую с Полихроном начала XIV в.» (см. стр. 281 настоящей книги).

Наконец, в начале главы XXVII о Никаноровской летописи и сходных с нею — читаем приписку карандашом: «NЗ. Тесная связь с Воронц[овским] сборником. Моя статья в Сб[орнике] в честь Д. А.] Корсакова» (см. стр. 346 книги).

V

Конструкция всего труда носит на себе те же следы переделок, что и самый текст. Из некоторых мест текста, как и из сохранившихся зачеркнутыми трех заглавий отделов: I. Памятники Суздальского летописания; II. Южно-русское летописание; III. Новгородское летописание — можно заключить, что первоначальный замысел автора охватывал отдельные главы труда, в которых предлагался анализ того или другого дошедшего до нас свода, в большие отделы по историко-географическому признаку. Но этот принцип был нарушен при той переработке, которая включила в изложение анализ свода 1448 г., т. е. свода непосредственно до нас не дошедшего. Это обстоятельство привело автора к мысли об ином объединении глав в отделы; теперь имеющемуся в рукописи, но недостаточно ясном для нас по своему обоснованию. В виду этого решено издавать рукопись без всякого группирования глав по отделам, придав существующим главам рукописи порядковые номера (с I по XXVII).

Рукопись по нумерации автором страниц распадается на две неравные части. Первая, большая, охватывающая первые 20 глав настоящего издания, имеет нумерацию сплошную, от 1 до 407 стр. Вторая представляет собою пять отдельных глав, в каждой из которых свой счет страниц: «V. Московский свод 1479 г.» имеет от 1 до 42 стр.; «VI. Тихоновская редакция Ростовского владычного свода» — от 1 до 22 стр.; «VII. Западнорусский сборник еп. Павла и краткое извлечение из Свода 1448 г.» — от 1 до 32 стр.; «VIII. Литовские летописи» — от 1 до 20 стр. и «IX. Никаноровская и сходные» — от 1 до 20 стр.

Первая, большая, часть труда, имеющая сплошную нумерацию от 1 до 407 стр., первоначально разделена была автором на четыре отдела (I отдел — 8 первых глав; II отдел — главы 9—13; III отдел — главы 14—19 и последний, IV отдел — последняя — 20-я глава). Позднее, при просмотре рукописи, автор наметил разделение III отдела на два, для чего отделил 14—16 главы от 17—19 листом бумаги с цифрой IV, но не согласовал это новое деление со старым до конца, почему теперь в рукописи первые 20 ее глав распадутся на 5 отделов, из которых два имеют обозначение «IV».

VI

Из некоторых мест рукописи совершенно очевидно, что автор не считал свою работу над рукописью законченной в смысле количества привлеченных здесь к изучению и анализу летописных сводов. В двух местах рукописи он прямо отсылает читателя к летописным памятникам XVI в., обещая дать о них ниже особые главы (список Царского и Воскресенская), которых, к сожалению, в рукописи не находим. Вероятно, этою

предстоящую доработкою надо объяснить незаконченность автором в настоящем виде рукописи деления всего труда на отделы, как и то обстоятельство, что в IX отделе рукописи дан анализ памятника, по времени предшествующего тому, изучение которого изложено в V отделе.

Хотя предлагаемый труд в настоящем своем виде автором не предназначался к опубликованию как подлежащий и дальнейшему пополнению в количестве рассмотренных сводов и дальнейшей его обработке в целях согласования с новыми моментами наблюдений автора после 1907 г., все же публикация его представляет несомненный научный интерес. Прежде всего труд этот вводит нас в лабораторию великого исследователя русского летописания, указывая, на каком сложном и богатом исследовательским трудом материале предварительных изысканий строились хорошо всем известные такие обобщающие работы автора, как «Общерусские летописные своды», «Разыскания» и «Повесть временных лет, т. I». Особенно поучительна здесь подготовка к изданию последней публикации, так как весь предлагаемый обзор памятников летописания, как и все труды автора по истории летописания определялись тем интересом к восстановлению объема разных редакций «Повести» и их текста, который захватил автора еще в пору подготовки к ученой деятельности и которому он остался верен во всю свою последующую жизнь. Каждая глава данной работы, после изучения и анализа того или иного памятника летописания, заканчивалась особым анализом «Повести» данного памятника, и только трудности технического характера вынудили в настоящем издании ограничиться сохранением этих заключительных моментов в изучении летописных памятников лишь на протяжении первых 5 глав.

Публикуемая работа содержит в себе много новых и весьма драгоценных исследований автора над памятниками летописания, а для древнейших из них — над отдельными списками.

Наконец, изучающий вопросы русского летописания нигде не найдет столь полного, объединенного рамками одного труда, обзора состава наших летописных памятников XIV—XV вв., одинаково необходимого и всем исследователям, имеющим в числе источников для своей работы летописные тексты. Этим объясняется как то, что настоящею рукописью А. А. Шахматова при его жизни уже пользовались некоторые лица, работавшие над вопросами летописания, благодаря обычной автору готовности идти навстречу всем этим лицам, так и то, что после его смерти к изучению этой рукописи непрерывно прибегали и прибегают многие исследователи.

В виду несогласованности некоторых положений данной работы с последующими этапами изучения автором того же материала,¹ в приложении печатается статья А. А. Шахматова из т. XXV Нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона (под словом «летописи») как последнее построение автора взаимоотношений русских летописных сводов.

Заглавие, данное рукописи, заимствовано из сообщения автора о ней в заседании Археографической комиссии 18 января 1911 г. (Летопись. Арх. ком. за 1911 г., стр. 5).

Рукопись подготовлена для настоящего издания мною совместно с дочерью покойного А. А. Шахматова С. А. Коплан-Шахматовой.

М. Приселков.

¹ В «Трудах Историко-археографического института Академии Наук СССР», т. XVII: «Проблемы источниковедения», сборник второй (Лгр., 1936) опубликована работа А. Н. Насонова «О неизданной рукописи А. А. Шахматова: «Обозрение летописных сводов», в которой автор делает опыт сопоставления некоторых выводов этой неизданной рукописи с последующими публикациями А. А. Шахматова.

ГЛАВА I

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Эта летопись составлена или только переписана с готового оригинала в 1377 г. для великого князя Дмитрия Константиновича, по благословению Дионисия, епископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого. Кроме «Повести временных лет», Лаврентьевская летопись содержит повествование о событиях южнорусских и суздальских (1111—1205 гг.) и затем изложение событий общерусских с явным в начале местным ростовским характером (1206—1305 гг.). Этот сложный характер Лаврентьевской летописи свидетельствует, что она представляет собой компиляцию нескольких источников, нескольких летописных сводов. Наша задача состоит в определении этих источников для того, чтобы выяснить, из какого летописного памятника попала в Лаврентьевскую летопись «Повесть временных лет». Анализ состава Лаврентьевской летописи значительно облегчается тем обстоятельством, что до 1205 г. включительно она близко сходствует с Радзивилловской летописью. Имея в виду, с одной стороны, что Радзивилловская обрывается на известии 1206 г., а с другой, что с 1206 г. сказывается в Лаврентьевской рука ростовского летописца,¹ мы заключаем, что составитель Лаврентьевской пользовался, начиная с 1206 г., иными источниками, чем до этого года, и что источник Лаврентьевской, сближающий его с Радзивилловской, так же как эта последняя, обрывался на 1206 г. Если мы привлечем к сравнению с Радзивилловской и Лаврентьевской Летописец Переяславля Суздальского, сохранившийся в сборнике б. Московского архива иностранных дел в части от 1138 г. (до этого в сборнике помещена летопись иного состава и происхождения), то увидим близкое сходство между Лаврентьевской, Радзивилловской и Переяславской в части до 1205 г.; при этом Радзивилловская сходствует с Переяславской и под 1206 г., но обрывается на неоконченной фразе в описании смерти княгини Марии Всеволожей: «и положиша ю в церкви святыя богородице» (ср. в Переяславской продолжение: «въ монастыри, юже бѣ сама създала и оукрасила иконами и писаниемъ всю цркъвь» и т. д.). Это обстоятельство в связи с особенной близостью Радзивилловской к Переяславской, в целом

¹ Под 6714 (1206) г. находим в Лаврентьевской летописи весьма подробное описание поездки будущего ростовского князя Константина в Новгород, а ниже сообщено также подробно о прибытии Константина к отцу из Новгорода.

ряде случаев противопологающею их Лаврентьевской,¹ делает вероятным предположение, что в основание Радзивилловской положена Переяславская и притом в таком экземпляре ее, который утратил конец, содержащий рассказ о событиях 1206—1214 гг., между тем как в основании Лаврентьевской положена другая летопись, близкая к Переяславской (и Радзивилловской). Но последнее заключение не может нас удовлетворить в виду ясных данных, указывающих на пользование, со стороны составителя Лаврентьевской, Переяславскою летописью в том самом дефектном экземпляре, который лег в основание Радзивилловской. Мы упомянули уже, что этот экземпляр утратил свое окончание; но, кроме того, благодаря перепутанным при переплете листам, некоторые события 1203—1205 гг. излагались в нем не на своем месте, а после известия 1206 г. о кончине Марии Всеволожей; ср. такой порядок в изложении событий 1203—1206 гг. в Радзивилловской. Вследствие этого в дефектном экземпляре Переяславской летописи (так же, как теперь в Радзивилловской) под 6711 (1203) г. сообщались известия 6713 (1205) г.: кончина князя муромского Владимира Юрьевича, кончина дочери великого князя Всеволода Елены, примирение Ольговичей со Всеволодом и Романом. И вот мы видим, что одно из этих событий, а именно кончина Елены, читается и в Лаврентьевской под 6711 (1203) г., причем Лаврентьевская не содержит ни одного из известий 1203—1205 гг., подвергшихся перестановке в Радзивилловской и ее протографе — Переяславской летописи; таким образом, в Лаврентьевской под 6711 г. читаем о взятии Киева Рюриком и Ольговичами и затем о смерти Елены (1205 г.), после чего следует название 1206 г.: «В лѣто 6714». Пропуск 6712 и 6713 гг., а также соединение под 6711 г. события этого года с событием 6713 г. удовлетворительно объясняется для Лаврентьевской предположением, что она пользовалась тем самым дефектным экземпляром Переяславской летописи, который лег в основание Радзивилловской. Имея же в виду сделанный выше вывод, что в основание Лаврентьевской положена летопись сходная, но не тождественная с Переяславскою, заключаем, что Лаврентьевская составлена на основании двух источников: 1) летописи, сходной с Переяславскою (положенной при этом в основание Лаврентьевской), и 2) летописи Переяславской (служившей ей вспомогательным, а местами, впрочем, и главным пособием). Как видно из только-что рассмотренного содержания Лаврентьевской под 6711—6713 гг., она в этой части своей положила Переяславскую летопись в основание, быть может, вследствие того, что другой ее источник (летопись, сходная с Переяславскою) не доходил до этих годов. Повидимому, пользованием исключительно Переяславскою летописью при изложении событий 6711—6713 гг. объясняется в Лаврентьевской пропуск под 6711 г. сегмента, начинающегося словами «собѣ в полонѣ»; Переяславская летопись, как можно заключить на основании Радзивилловской, была

¹ Ср. общие пропуски сравнительно с Лаврентьевской, напр. под 1193, 1194, 1195, 1196, 1198, 1201; лишние против Лаврентьевской известия под 1138, 1197, 1205, 1203—1205; более или менее значительные отличия их против Лаврентьевской под 1144, 1175, 1176, 1177 и т. д.

иллюстрирована и на этом самом месте, где начинается пропущенный в Лаврентьевской сегмент, помещался (как и в Радзивилловской) рисунок.

Итак, мы выяснили, что одним из источников Лаврентьевской летописи была Переяславская. Другой источник Лаврентьевской, как мы видели, представляет собою летопись сходную с Переяславскою, но отличающуюся от нее некоторыми существенными особенностями, не оставляющими сомнения в том, что по составу своему эта летопись, которую назовем Владимирскою, древнее Переяславской. Так, например, ясно, что Лаврентьевская под 1176 г. содержит более древнюю, чем Переяславская (и Радзивилловская) редакцию рассказа о борьбе за обладание Суздальскою областью Юрьевичей и Ростиславичей. В Лаврентьевской главным действующим со стороны Юрьевичей лицом является старший Михалко; в Переяславской (и Радзивилловской) имя Михалки систематически дополнено именем Всеволода,¹ что вполне естественно ждать от позднейшего владимирского летописца, работавшего в княжение Всеволода Юрьевича (1177—1212 гг.). Под 1177 г. в летописи, положенной в основание Лаврентьевской, содержался недоведенный до конца рассказ об ослеплении содржавшихся во Владимире, в порубе Ростиславичей — Мстислава и Ярополка, что видно из неоконченной в Лаврентьевской фразы: «Князю же Всеволоду печалну бывшу, не могшу удержати людей, множества ихъ ради клича». Это чудовищное злодеяние взволновало древнюю Русь: даже через 200 лет монах Лаврентий не решается восстановить в своей летописи грустную повесть и, следуя своему источнику, обрывает ее на половине фразы. Тем естественнее было современнику умолчать об этом событии, вызывавшем, конечно, тяжелое воспоминание у Всеволода Юрьевича: вот почему в Переяславской и Радзивилловской слова, приписанные в Лаврентьевской разъяренной толпе владимирских граждан: «чего ихъ додержати? хочемъ слѣпнати и», сокращены: «чего ихъ дръжати», а после них все последующее передано словами: «и поустища ею изъ земля». Итак, в основании Лаврентьевской лежит более древняя по составу летопись, так как в ней сохранился рассказ, записанный очевидно тут же, после самого события, когда оно не представлялось еще во всем своем ужасе и не успело еще найти общего осуждения, породившего молву о чудесном исцелении ослепленных князей.² Бóльшая древность летописи, лежащей в основании Лаврентьевской, сравнительно с Переяславской, сказывается

¹ Лавр: «Володимерци. . . послашася Чернигову по Михалка»; Переясл. и Радзив: «Володимерци же съ Переяславци («съ Пряяславци» в Радзив. опущено). . . послашася къ Чернигову по Михалка и по брата его Всеволода». Лавр: «Михалко съ Москвы поѣха Володимерю»; Переясл. и Радзив.: «Михалко съ Москвы поѣха въ Володимирь съ братомъ Всеволодомъ», и т. д. Ниже ср. еще Лавр.: «а любо головы своѣ положимъ за святую богородицю и за Михалка»; в Переясл.: «любо головы своя съкладемъ за ню и за святую богородицю»; Радзив.: «а любо главы своа сложимъ за святую богородицю и за тые князи».

² Новгородский летописец под 1177 г. сообщает о чудесном исцелении Мстислава и Ярослава в Смоленске в церкви Бориса и Глеба.

ещё в статье 1185 г. о поставлении епископом Ростову, Владимиру и Суздалию Луки: похвала ему в Лаврентьевской содержит ясные следы того, что она писана до смерти Луки (ум. 1189 г.), ср.: «иже пасеть словесныя овця», «не имаши бо града сде, но будущаго взискаеши», «молися за порученое тобѣ стадо»; в Переяславской (Радзивиловская следует Лаврентьевской) похвала подверглась переделке вследствие смерти Луки; ср.: «иже пасяше словесныя овця», «не имяше бо града сдѣ, но боудущаго искааше», «о приснопамятнѣи епискупе Лоуко, молися за стадо, иже бѣ пороучено тобѣ въ мирѣ семь». Итак, летопись, положенная в основание Лаврентьевской, составлена до 1189 г., между тем как Переяславская, составленная, как увидим ниже, в 1216 г., основывалась на позднейшей редакции Владимирской летописи, относящейся ко времени после 1189 г. В Лаврентьевской, а также в Переяславской летописи можно, повидимому, указать конец Владимирской летописи древнего извода (до 1189 г.) — это благочестивые рассуждения по поводу Владимирского пожара 18 апреля 1185 г., замыкающиеся словами: «ныня и присно и в бесконечныя вѣкы, аминь». В пользу окончания свода на 1185 г. укажу еще на то, что до 1185 г. включительно Всеволод Юрьевич называется князем, а с 1186 г. великим князем.¹

Признав таким образом Владимирскую летопись 1185 г. вторым источником Лаврентьевской, видим, однако, что состав этой последней в части до 1206 г. не может быть возведен к двум указанным источникам. Не всё содержание Лаврентьевской после 1185 г. находит себе соответствие в Переяславской (Радзивиловской) летописи, а между тем, допустив для Лаврентьевской только два источника, мы должны были бы признать, что 1186—1205 гг. заимствованы целиком из второго (за прекращением первого на 1185 г.), т. е. из Переяславской летописи. Так, в Переяславской (и Радзивиловской) нет длинных рассуждений по поводу пожара во Владимире 23 июля 6701 (1193) г., нет также под 6702 (1194) г. известий об обновлении церкви богородицы во Владимире и об обновлении церкви богородицы в Суздале, нет также известия 6703 (1195) г. о возобновлении Всеволодовым тиуном Гюрей укреплений Остерского Городца в области Южного Переяславля. Откуда же попало всё это в Лаврентьевскую? Ответ на этот вопрос облегчается привлечением к сравнению с Лаврентьевской Ипатьевской летописи. Как увидим ниже, почти весь текст Лаврентьевской приблизительно до 70-х годов XII столетия находит себе соответствие в Ипатьевской; последняя содержит, впрочем, суздальские известия и в рассказе о трех последних десятилетиях XII в., причем большинство их совпадает и с Лаврентьевской, и с Переяславскою летописями. Присутствие в Ипатьевской летописи суздальских известий объясняется, как увидим, тем, что состави-

¹ Ср. «князь Всеволод» под 1177, 1178, 1180, 1181, 1182, 1183, 1184 и 1185; а под 1186: «у великаго князя Всеволода», «к великому князю Всеволоду Юрьевичу» и т. д., под 1187: «у Всеволода князя великаго», и т. д. После 1186 г. вместо «великий» находим иногда эпитеты «благовѣрный», «христоробивый», а до 1186 г. Всеволод назван «благовѣрнымъ» всего лишь один раз под 1177 г.

тель протографа этой летописи в числе других источников пользовался Владимирским полихроном начала XIV в., т. е. общерусскою летописною компиляциею, составленною при дворе митрополита всея Руси во Владимире. Под 6700 (1192) г. в числе пяти суздальских известий (которые все имеются и в Лаврентьевской под 6702 г.) находим в Ипатьевской и те два известия, коих нет в Переяславской, т. е. об обновлении храмов богородицы во Владимире и Суздале. Следовательно, у составителя Лаврентьевской и протографа Ипатьевской оказывается общий суздальский источник; согласно сделанному выше предположению, таковым был Владимирский полихрон начала XIV в. Анализ Лаврентьевской летописи в части, обнимающей события второй половины XIII в. и начала XIV в., вполне подтверждает такое предположение, ибо что иное представляет собою в этой части Лаврентьевская, как не общерусскую компиляцию? Мы находим здесь владимирские, тверские, новгородские, смоленские, рязанские и южно-русские известия. Если составитель Лаврентьевской пользовался Полихроном, излагая события XIII и начала XIV в., то, конечно, он мог заимствовать из него кое-что в части и до 1206 г. для восполнения и исправления обоих других источников — свода 1185 г. и Переяславской летописи. Под 6665 (1157) г. видим ясный след пользования Полихроном для исправления одного из известий Переяславской летописи, а именно: в Переяславской (и Радзивилловской) мы читаем здесь, что Андрей Юрьевич окончил церковь, «юже бѣ заложилъ прежде отецъ его святаго Спаса каменоую въ Переяславли в новѣмъ»; как видно из Ипатьевской (изд. 1871 г., стр. 337), Полихрон опустил слова «в Переяславли в новѣмъ» (как опустил еще в нескольких местах имя переяславцев, вставленное переяславским летописцем); тот же пропуск в Лаврентьевской, где читаем: «юже бѣ заложилъ прежде отецъ его, святаго Спаса камену».

Но Полихрон, как бы он ни был обширен и разносторонен в смысле пользования многочисленными источниками, все-таки не может быть признан единственным источником для Лаврентьевской летописи в части после 1205 г. Как указано выше, с 1206 г. в Лаврентьевской обнаруживается рука ростовского летописца, человека близкого к князю Константину Всеволодичу. Большая часть суздальских известий 1206—1218 гг. (в 1218 г. Константин скончался) проникнута самым теплым, сердечным отношением к «блаженному», «благочестивому», «христоролюбивому», «благовѣрному» князю Константину, а под 1218 г. помещена обширная прочувствованная похвала ему; перед этим записано его поучение к детям. Симпатия к Константину и его детям сказывается и в последующих известиях: под 1227 г. упоминается, что во Владимирском пожаре 11 мая сгорел между прочим двор «блаженнаго» князя Константина и церковь Михаила, «юже бѣ украсилъ христоролюбивый князь Костянтинъ»; в 1221 г. двор князь в Ярославле «избы огня» в пожар 27 июня силою креста честного и молитвою «добраго» Костянтина; под 1224 г. сообщается об освящении церкви Спаса в Ярославле, «юже бѣ заложилъ благовѣрный князь Костянтинъ». Под 1231 г. читаем длинное известие о поставлении и о деятельности епископа ростов-

ского Кирилла, и т. д. Мы имеем полное основание думать, что ббольшая часть этих ростовских записей не вошла в состав Владимирского полихрона. Основывался, главным образом, на Владимирской летописи, Полихрон изображал печальные события, последовавшие в Суздальской области за смертью Всеволода, в совершенно ином свете, чем Лаврентьевская. Воскресенская летопись довольно полно отразила эту часть Полихрона; из нее видно, что Полихрон в изложении распри Всеволодичей стоял на стороне не Константина, а Георгия: под 6719 г. Константин отказывается повиноваться отцу и, услышав о завещании Всеволода, поручившего Георгию старшинство, он «воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братию свою, паче же на Георгія»; под 6720 г. Константин начал замышлять рать на Георгия, «хотя под ним взяти Владимир»; под 6721 г. «начать Костянтинъ опять рать замышляти на братью» и др. В Лаврентьевской ничего не говорится о разногласии Константина с отцом, о распри Всеволодичей сообщается кратко (под 6720, 6721 гг.), причем виновником ее оказывается «искони злый врагъ дьяволъ, ненавидяй всегда добра роду чловѣчю» (под 6725 г.). Следовательно, ростовские записи попали в Лаврентьевскую не из Полихрона, а из другого источника — очевидно из Ростовской летописи. Можно предполагать, что составитель Лаврентьевской нашел эту Ростовскую летопись (доведенную, повидимому, до 60-х годов XIII в.) в одном своде с Владимирской летописью 1185 г., т. е. что эта последняя предшествовала ростовским записям XIII в. В пользу такого предположения можно привести следующее: 1) если бы ростовским записям предшествовало иное начало, оно отразилось бы в Лаврентьевской, между тем в части до 1206 г. (с которого идут ростовские записи) мы обнаруживаем только три источника — Владимирскую летопись 1185 г., Переяславскую 1216 г. и Владимирский полихрон; 2) подобно тому как в основание Переяславской летописи, летописи, сочувственной князю Ярославу Всеволодичу и составленной очевидно для него, положена Владимирская летопись (как увидим, в редакции около 1216 г.), так же точно в основание Ростовской летописи, летописи, сочувственной Константину Всеволодичу, могла быть положена Владимирская же летопись (в одной из старших ее редакций); 3) под 6604 (1096) г., в описании битвы Мстислава Владимировича с Олегом Святославичем на Колакше, в Лаврентьевской читаем между прочим: «а Мстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци» (изд. 1897 г., стр. 231); слов «и с ростовци» нет ни в Радзивиловской (восходит к Переяславской), ни в Ипатьевской (восходит к Полихрону); следовательно, они попали в Лаврентьевскую из Владимирской летописи 1185 г. Трудно допустить, чтобы они были в первоначальной редакции этой летописи: если бы они в ней были, их не опустили бы позднейшие редакции Владимирской летописи, к которым восходят Переяславская и Полихрон. Поэтому возникает предположение о том, что слова «и с ростовци» вставлены позже в Ростове, а именно тем самым лицом, которому принадлежат отразившиеся в Лаврентьевской летописи ростовские записи. Таким образом, мы отыскиваем третье основание для утверждения, что Владимирская